

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

5

М А Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Егоров М. — Крестьянское движение в Центральной Черноземной области в 1907—1914 годах	3
Богуславский М. — Политическая борьба в Польше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию	20
Застенкер Н. — «Гора» 1849 года	40
Боровой С. — К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII века	67

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Кан С. — Предпарламент и первое баденское восстание 1848 года	78
Реуэль А. — «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса в оценке русской журналистики 1860 г	93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Верховень Б. и Раскин Б. — Сборник документов «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг»	103
Погребинский А. — Проф. С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России	108
Трофимов А. — М. Поляков Белинский в Московском университете	112
Сивков К. — К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885)	114
Смирнов А. П. — Проф. А. В. Арциховский. Введение в археологию	117

Всеобщая история

Семёнов В. — Р. Ю. Виллер. История средних веков	119
Королюк В. — Исторический кварталник	124
Голант В. — Юрген Кучинский. Краткая история положения рабочего класса в Британской империи с 1800 г до настоящего времени	127
Левин Г. — Г. Холореншоу. Лесвеллеры и английская революция	129
Суров Е. — С. Лурье. Геродот	132

ХРОНИКА

Шунков В. — Институт истории АН СССР в 1947 году	135
Шунков В. — Защита диссертаций в Институте истории АН СССР	139
Данилова Г., Левин Г. — Научная сессия в Ленинградском гос. пед. институте имени Герцена	140
Лисянский А. — Научная работа историков Ворошиловградского пед. института имени Т. Г. Шевченко	142

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (главный редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, З. В. Мосина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 552 Тел. Д 3-31-04.

А — 02567. Изд. № 401. Заказ № 943. Тираж 33 600 экз.

Подписано к печати 25/V 1948 г. 9 печ. л. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, ул. «Правды», 24.

Полная подборка материалов
о революциях 1848-1849 гг. в Европе:
<http://istmat.info/node/28559>

Сергей Борисович Кан

ПРЕДПАРЛАМЕНТ И ПЕРВОЕ БАДЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1848 ГОДА

Ещё Маркс в одном из своих писем Кугельману в 1869 г. отметил, что «реакции в Германии удалось совершенно изгладить воспоминания о 1848—1849 гг.»¹. Позднее и Ленин не один раз обращал внимание «на хихиканье немецких казённо-полицейских историков вроде Трейчке»² над лозунгами 1848 г., а также на стремление этих историков представить год германской буржуазно-демократической революции «безумным годом»³.

Большинство немецких историков не только открыто реакционных, но и буржуазно-либеральных стремилось сознательно замолчать революционные страницы из прошлого немецкого народа, но зато выпячивало его мещанские «добродетели» — умеренность и верноподданнические чувства. Отдельные факты из революционного прошлого немецкого народа чаще всего служили мишенью для постоянных и злых насмешек, целью которых являлась дискредитация в глазах последующих поколений сторонников революционных методов борьбы — всё равно коммунистов или республиканцев-демократов.

Особенно зло насмехались буржуазные историки революции 1848 г. над Геккером, Струве, Гервегом и их товарищами, этими и в самом деле незадачливыми организаторами республиканских восстаний на юго-западе Германии. Их изображали то трусливыми, то самовлюблёнными честолюбцами, то далёкими от жизни доктринёрами, способными погубить любое дело. Все средства клеветы были хороши, когда нужно было принизить в глазах немецкого народа его немногих революционных деятелей, сторонников решительной расправы с феодализмом и помещиками. Ходившие в большом количестве по Германии злобные стишки Надлера о «Геккере-республиканце» — хороший образчик подобной реакционной литературы.

Между тем, несмотря на полную неудачу всех попыток Геккера, Струве и их единомышленников «снизу» осуществить объединение Германии и добиться превращения ее

в демократическую федеративную республику, несмотря на всю беспорядную мелкобуржуазную ограниченность их программы, неправильную тактику и неумение руководить массами, именно баденские республиканцы, если не считать коммунистов, весной 1848 г. являлись в известной степени носителями революционных традиций немецкого народа и отказывались от соглашения с его вековыми угнетателями. Уже по одному этому их политическая деятельность заслуживает более серьёзного внимания, а их ошибки — объяснения, тем более, что германский народ вообще не слишком богат революционными традициями и должен знать правду о всех, без исключения деятелях 1848—1849 гг., как о тех, кто прямо предавал дело народа и искал соглашения с угнетателями, так и о тех, кто пытался, пусть даже неудачно, революционными средствами добиться его освобождения.

К весне 1847 г. в Баденском герцогстве, как и повсеместно в германских государствах, голодали целые селения. Особенно тяжёлым было положение в перенаселённых округах Шварцвальда и Оденвальда, то есть как раз там, где крестьянство не забыло ещё о далёких временах «Башмака» и «Бедного Конрада» и где в известной мере живы были ещё традиции Великой крестьянской войны 1525 года.

Уже с марта в этом юго-западном углу Германии широко распространялись революционные брошюры и листовки, призывавшие народ к восстанию, уничтожению чиновников и дворян и провозглашению республики. Об этих революционных выступлениях в баденской деревне с тревогой сообщал в Петербург русский посланник Озеров, не без основания усматривавший в ходивших по деревням прокламациях «прямые призывы к убийству государей и ниспровержению тронов», а также «доказательство того, насколько возбуждены умы на юге Германии»⁴.

Но дело не ограничивалось одними сельскими местностями. Тот же Озеров уже в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 7.

² Ленин. Соч. Т. XII, стр. 21.

³ Ленин. Соч., Т. IX, стр. 126; т. XI, стр. 88.

⁴ Архив МИД, № 22. Донесение Озерова от 18 апреля 1847 года.

феврале 1847 г. сообщал Нессельроде о раскрытии в Маингейме целого клуба рабочих-коммунистов, о широком распространении республиканских брошюр Гейнца, о «волнениях, распространяющихся по всей Германии, подобно эпидемии»⁵. Волнения эти, по его словам, представляли серьёзную угрозу для всех без исключения собственников и вследствие этого «открыли глаза всем тем, которым есть, что оберегать»⁶. Они показали собственникам «необходимость искать защиту у правительства» и заставили понять, что буржуазия «не может больше рассчитывать на народ»⁷.

Предреволюционное брожение подготовило и ускорило раскол баденской либеральной антиправительственной оппозиции и выделение из её ранее единых рядов ядра революционной демократии.

В обстановке всё нарастающего подъёма народного движения ещё до начала мартовской революции на страницах баденских газет и журналов развернулась ожесточённая борьба между умеренными — «половинчатыми» («Halbe») и радикалами «цельными» («Ganze»), причём во главе этих последних встал популярный в Бадене журналист Густав Струве, к которому вскоре присоединился член баденской второй палаты, адвокат Фридрих Геккер. Органами радикалов стали «Майнгеймский журнал», а затем с января 1847 г. — «Немецкий наблюдатель», подвергавшиеся накануне революции постоянным гонениям со стороны правительства. В обоих этих периодических изданиях Струве и другие баденские демократы сводили свои счёты не только с правительственной властью, но, что особенно важно, и с половинчатым либерализмом вождей местной баденской буржуазии Мати и Бассермана, которые были готовы уже до революции пойти на сделку с дворянством.

Окончательный разрыв между баденскими либералами и демократами произошёл в связи с опубликованием принятой Струве и его политическими единомышленниками программы народных требований. Программа эта была сформулирована 12 сентября 1847 г. на съезде в Оффенбурге.

Хотя из тактических соображений в Оффенбургской программе был обойдён вопрос о будущей форме правления Германии, вся программа в целом почти ничем не отличалась от получившей большое распространение в конце 40-х годов среди демократов Европы политической программы французских демократов-республиканцев, объединившихся вокруг газеты Ледрю-Роллена «Реформа». Наряду с требованиями уничтожения всех реакционных постановлений Союзного сейма и установления полного демократического равенства в этой программе можно было найти также требования установления прогрессивно-потоходного налога и «уничтожения недоразумений» («Missverständnisse») между трудом и капиталом.

Программа баденских демократов была встречена в штыки как правительственной властью, немедленно нарядившей следствие над Геккером и Струве, так и баденскими либералами. Основной орган последних, «Немецкая газета», не скрывал больше своего негодования, а в частных письмах отдельных представителей баденской буржуазии организаторов Оффенбургского собрания Геккера и Струве прямо величали «террористами» или «анархистами».

С первых же дней мартовской революции на юго-западе Германии Геккер, Струве и другие баденские республиканцы выдвигали на массовых народных собраниях и митингах политические требования, которые были разработаны ещё осенью 1847 года. Наблюдавшийся в первые недели революции подъём массового движения в городах, а также широко разлившееся крестьянское движение, направленное против помещиков, способствовали усилению и распространению республиканской пропаганды. Струве в «Немецком наблюдателе» и в особенности журналист-республиканец Фиклер в своих издававшихся в Констанце «Озёрных листах» фактически уже с первых дней марта открыто проповедывали создание германской федеративной республики, подчёркивая, что «время абсолютизма» прошло и наступило время верховенства народа». В качестве основной задачи начавшейся революции они выдвигали не только установление свободы, равенства и братства, но и «благосостояние для всех» («wohl aller»), придавая вслед за французскими демократами «Реформы» новый социальный смысл будущей германской республике. Фиклер, как с ужасом сообщал Озеров, уже 9 марта на народном собрании провозгласил республику, представлявшуюся в глазах испуганных баденских бюргеров прелюдией к грабежу и насильственному имущественному порабощению.

Особенно большое волнение в кругах либеральной буржуазии вызвали резолюции, принятые 19 марта на организованном республиканцами массовом народном собрании в том же самом Оффенбурге, где осенью 1847 г. состоялся съезд радикалов. Хотя на этом собрании ещё не была провозглашена республика, оно носило явно республиканский характер и преследовало цель «подготовить почву для установления республики не только в одном Бадене, но и во всей Германии». Особенно большое значение имело при этом то, что в резолюциях этого Оффенбургского собрания предусматривалась организация разветвлённой сети союзно-комитетов, охватывающих всю баденскую территорию — от маленького селения до столицы. Подобную организацию, создававшуюся явно в подражание якобинской, предполагалось в дальнейшем распространить на всю Германию⁸.

Значительному углублению начавшейся ранее демократической революции в Юго-Западной и Западной Германии, а также по

⁵ Архив МИД № 22. Донесение Озерова от 14 апреля 1847 года.

⁶ Там же, от 21 мая 1847 года

⁷ Там же.

⁸ «Deutscher Zuschauer» от 24 сентября 1847 года.

всеместному распространению республиканской пропаганды способствовали мартовские события в Австрии и Пруссии, приведшие к образованию в этих двух главных государствах Германского союза либерально-буржуазных министерств.

После получения известий о капитуляции перед народным восстанием трусливого Фридриха-Вильгельма IV и о вынужденных уступках слабоумного Фердинанда I республиканцы удвоили свои усилия и уже открыто требовали немедленного уничтожения монархической власти в отдельных немецких государствах, а также создания вместо старого, ненавистного народным массам Германского союза новой, федеративной Всегерманской республики по образцу США или Швейцарии, обновлённой в результате недавних побед над католическим Зондербундом.

Уже 25 марта русский посланник Озеров доносил из Карлсруэ о том, что Геккер «снова набрался храбрости»⁹ и с большой энергией возобновил в Бадене пропаганду. А 26 марта на многочисленных народных собраниях в Гейдельберге и Фрейбурге были приняты республиканские резолюции и были выдвинуты различные демократические требования. Ораторы, выступавшие с трибун этих собраний и встречавшие восторженный приём у народа, открыто говорили о республике как о единственно приемлемой форме правления для обновлённой Германии. Prestиж монархической власти казался тогда, после победоносных баррикадных боёв в прусской столице и после бегства Меттерниха из Вены, в значительной степени поколебленным.

Большое значение для всего последующего развития событий имело также крушение надежд, которые бюргерство Юго-Западной Германии возлагало в первые недели революции на Фридриха-Вильгельма IV. В нём испуганные размахом народного движения либеральные буржуа видели оплот против ужасов «анархии», будущего объединителя Германии, её первого конституционного монарха. Однако трусливое, полное противоречий и колебаний поведение прусского короля в дни мартовской революции в Берлине положило конец всем этим надеждам, а запоздалая, похожая на узурпацию инициатива Фридриха-Вильгельма IV в германском вопросе была встречена повсеместно взрывом негодования.

Теперь, после получения на местах известий о прокламациях и речах Фридриха-Вильгельма IV, только что расстреливавшего свой народ из пушек, а затем с трёхцветной национальной повязкой на руке мундира объезжавшего верхом обаянные народной кровью улицы своей столицы, не только отдельные германские правительства, но и лидеры либерального бюргерства протестовали против прусского плана разрешения германского вопроса. Даже такой горячий сторонник прусской гегемонии, каким, бесспорно, являлся новый либеральный

дармштадтский министр Гейнрих фон Гагерн, и тот не предлагал больше искать главу исполнительной власти в Берлине, а советовал организовать временное правительство с каким-нибудь не находящимся у власти немецким принцем во главе. Опираясь это правительство должно было, по его мнению, на реорганизованный и обновлённый в своём составе сейм старого, меттерниховского Германского союза. Prestиж этого органа легально существовавшей всегерманской власти в связи с берлинскими событиями и поведением Фридриха-Вильгельма IV снова неожиданно вырос в глазах перепуганных либеральных бюргеров.

Стремление не порывать со старой, легально существовавшей, хотя и бессильной властью нашло своё отражение прежде всего в решениях специальной комиссии из 7 членов, созданной в начале марта на совещании либералов в Гейдельберге, комиссия эта разослала во второй половине марта отдельным общественным деятелям Германии приглашения принять участие в заседаниях Предпарламента, созывавшегося 31 марта в Франкфурте на Майне. Заранее разработанная программа заседаний Предпарламента предусматривала обсуждение ряда важнейших вопросов, связанных с коренной реорганизацией Германского союза. Главнейшими среди этих вопросов были: вопрос о главе центральной исполнительной власти и ответственном министерстве, вопрос о новых законодательных органах, их компетенции и т. п. Характерно, что, выдвигая план коренной реорганизации союза, гейдельбергские либералы всячески стремились сохранить связи со старым, франкфуртским сеймом, едва подававшим уже признаки жизни: специальным пятым параграфом своей программы они указывали, что вопрос о созыве национального собрания будет согласован «с членами союзного сейма, пополненного делегированными в его состав доверенными лицами».

Страницы «Немецкой газеты», отражавшей политические настроения либеральной буржуазии, в последние дни марта были полны угроз по адресу «четвёртого сословия». «Мы не желаем, чтобы, преследуя свои дерзкие цели, запоздалые народные движения мешали серьёзному делу основания нового порядка», — заявляла 24 марта «Немецкая газета».

Заседания Предпарламента были открыты в весьма торжественной обстановке 31 марта в том самом франкфуртском соборе св. Павла, где позднее вплоть до весны 1849 г. заседало Всегерманское учредительное собрание. Но эта праздничная обстановка плохо скрывала большую тревогу, охватившую буржуазию и помещиков. Республиканская пропаганда из юго-западного угла Германии к концу марта стала всё больше и больше распространяться по всей стране. Во Франции и Швейцарии открыто накапливались отряды немецких эмигрантов, по преимуществу рабочих и ремесленников, грозивших перебраться через Рейн

⁹ Архив МИД № 31. Донесение Озерова от 25 марта 1848 года.

и, соединившись с демократами Бадена и Пфальца, насильственно свергнуть немецких государей. В связи с этим Генрих фон Гагерн уже 27 марта в дармштадтской палате призывал всех сторонников «порядка» оказать посильное содействие властям и помочь им организовать отпордвигающимся из-за границы толпам.

Стремясь вызвать патриотический подъём, который должен был сцементировать национальное единение, грозившее исчезнуть в огне обострившейся классовой борьбы, правительственные круги Бадена и Вюртемберга усиленно муссировали также слухи о предстоящем якобы враждебном выступлении со стороны республиканской Франции. В ночь на 26 марта они в связи с этим вызвали даже в прирейнских городах настоящую, охватившую массы обывателей, панику.

Собственники всей Юго-Западной Германии с тревогой ждали дальнейшего развития событий. Они надеялись, что Предпарламент поможет восстановлению поколебленного «порядка», и в то же время опасались грозных народных выступлений именно в дни его заседаний. В Франкфурте против этих возможных республиканских выступлений были приняты меры. Городские власти тщательно следили за тем, чтобы во Франкфурте не просачивались вооружённые люди и отряды. Они поручили ремесленникам-мясникам, в большинстве богатых лавочникам, нести охрану вокруг собора св. Павла и вообще наблюдать за сохранением спокойствия и порядка на улицах и площадях города¹⁰.

Съезжавшиеся во Франкфурт делегаты — всего около 500 человек, — получившие приглашение от гейдельбергской «семёрки», принадлежали в своём огромном большинстве к либеральной оппозиции южно-германских государств. Острые столкновения между этим конституционно-монархическим большинством и республиканско-демократическим меньшинством начались ещё до формального открытия заседаний Предпарламента.

Вечером 30 марта в большом зале «Вейденбуш» состоялась первая встреча делегатов, прошедшая в весьма напряжённой обстановке. Геккер и Струве смело выдвинули вопрос о немедленном провозглашении всегерманской республики и отвергли всякую мысль о переговорах или соглашении со старым германским сеймом. Их горячо поддерживали многие приехавшие из Саксонии делегаты, среди которых особенно выделялся популярный в Германии журналист Роберт Блюм¹¹.

Но огромное большинство собравшихся во главе с Гагерном, Бассерманом, Мати и другими южногерманскими либералами оказало попытке немедленного провозглашения республики самое яростное сопротивление и добилося победы. «Монархия торжествует, республика же осталась в слабом

меньшинстве», — писал после собрания Мати, с удовлетворением сообщая жене о том, что понесённом республиканцами первом политическом поражении¹². «Всё хорошо («alles gut»). Революция терпит поражение за поражением», — сообщал о том же своей «дорогой Эмили» в Маннгейм Бассерман, который, по совету своей матушки, отправляясь на открытие Предпарламента, не позабыл захватить с собой пару пистолетов¹³.

На первом своём заседании Предпарламент после избрания председателем весьма умеренного гейдельбергского профессора Миттермейера приступил к обсуждению разработанной ранее и врученной делегатам политической программы «семёрки».

Но Струве немедленно от имени республиканцев противопоставил этой программе либералов 15 демократических требований, разработанных на основании резолюций, принятых ещё 26 марта на народных собраниях в Гейдельберге и Фрейбурге.

С трибуны Предпарламента Струве энергично потребовал немедленного «уничтожения наследственной монархической власти (самодержавия) и замены этой власти свободно избранными парламентами, возглавленными свободно избранными президентами и объединёнными по образцу Северо-Американских свободных штатов Федеральной союзной конституцией».

В глазах монархического большинства требование это представлялось необычайно радикальным и опасным. В действительности оно было далеко не достаточным и не отвечало назревшим потребностям политического развития Германии, поскольку вместо единой и неделимой республики, вместо централизованного демократического государства выдвигало федеративный принцип. «Нет ничего путаннее, чем странная идея... заимствовать у северо-американского федеративного государства образец для германской конституции», — писал по этому поводу позднее Маркс, справедливо указывая, что «в Германии борьба централизации с федеративным началом есть борьба между современной культурой и феодализмом»¹⁴. «Даже с чисто буржуазной точки зрения безусловное единство Германии является первым условием, чтобы спасти её от нынешней нищеты и создать национальное богатство»¹⁵, — подчёркивал он в другом месте.

Кроме федеративной республики выдвигнутая Струве программа содержала требования уничтожения постоянной армии и чиновничества, уничтожения всех феодальных привилегий, установления равенства всех перед законом, ликвидации монастырей, введения подоходно-прогрессивного налога, отделения церкви от государства, гарантий

¹² «Aus den Nachlass von K. Mathy», S. 160.

¹³ Bessermann F. «Denkwürdigkeiten», S. 99.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 125.

¹⁵ Там же, стр. 126.

¹⁰ «Deutsche Zeitung», от 1 апреля 1848 года.

¹¹ «Gegenwart». Bd. II, S. 689 ff., Mögling Briefe an seine Freunde, S. 61.

свободы печати, личности, собраний и союзов.

Помимо этих чисто политических требований программа республиканцев выдвигала также ряд требований социального порядка, правда, весьма расплывчатых и неопределённых.

Бросается в глаза, что республиканцы в своей программе обходили важнейшей для значительной части деревенского населения вопрос о земле и вовсе не требовали национализации помещичьих имений. Далеко не достаточными были и требования, которые непосредственно относились к положению рабочих. В программе говорилось о принятии мер для уничтожения бедственного положения трудящихся и средних классов, а также для «сглаживания противоречий между трудом и капиталом путём создания особого министерства труда, имеющего задачей положить предел ростовщичеству и защитить трудящихся, предоставив им долю в прибылях предприятий».

Выдвигая все эти требования, Струве предлагал собранию немедленно выделить из своей среды комиссию для их рассмотрения и утверждения. Он предлагал также не разезжаться из Франкфурта до тех пор, «пока свободноизбранный парламент не возьмёт в свои руки судьбы Германии», то есть предлагая объявить заседания Предпарламента перманентными.

Выступление республиканцев, нашедшее сочувственный отклик далеко за стенами собора св. Павла, вселило большую тревогу в сердца либеральных бюргеров. Как ни расплывчаты были выдвинутые Струве социальные требования, они в известной мере напоминали всё же требования парижских рабочих. Трусливым немецким филистерам мерещилась в них не только демократическая, но и социальная республика!

Требования республиканцев внесли вначале большое замешательство в ряды конституционалистов. Однако они скоро оправившись от первого испуга и, перейдя в наступление, обрушили на головы своих противников целый поток речей, в которых брали под защиту монархическую программу «семёрки». Особенно решительно выступил против предложений Струве г. фон Гагерн, успевший в короткий срок завоевать особое доверие у немецких бюргеров. Он прямо называл предложения республиканцев «утопическими» и указывал, что они способны только подорвать кредит, ухудшить положение трудовых масс и внести смутнение в общественные отношения.

Скоре, однако, представители либерально-буржуазного большинства, боясь потерять свою популярность в народных массах, начинавших всё больше прислушиваться к голосам республиканцев, решились отказаться от дальнейшего обсуждения в Предпарламенте вопроса о будущем государственном строе Германии и поспешили снять с повестки дня обсуждение не только выдвинутых Струве требований, но и разработанной «семёркой» политической программы.

Уже в ходе первого заседания делегат Эйзemann поднял вопрос с компетентности

данного собрания и предложил ограничить деятельность Предпарламента только подготовкой к созыву Всегерманского учредительного собрания.

Огромное большинство делегатов высказалось за это предложение, отвергнув таким образом предложение Струве о немедленном провозглашении республики. Вместе с либералами против предложения Струве голосовали также и отдельные сторонники республиканской формы правления, в частности Р. Блюм и К. Фогт. Они открыто заявляли о своей готовности целиком подчиниться воле суверенного Учредительного собрания и об отказе от каких-либо насильственных попыток введения республиканской формы правления. «Захочет Национальное собрание республику — мы поддержим его, захочет оно монархию — мы также примем её», — подчёркивал в своём выступлении умеренный республиканец Везендонк, отмежевываясь тем самым от Геккера и Струве. Последние вовсе не собирались ставить вопрос о республике в зависимость от исхода голосования в Учредительном собрании и готовились с оружием в руках отстаивать права суверенного немецкого народа. Таким образом, уже на первом заседании обнаружился раскол республиканского меньшинства на умеренные и более радикальные элементы.

Сторонники революционных методов борьбы, опиравшиеся на низшие слои городской мелкой буржуазии и рабочих, находившие также поддержку у трудового крестьянства, уже в самые первые недели революции лишились этой поддержки со стороны своих же собственных товарищей — более умеренных республиканцев, опиравшихся на зажиточные слои немецкой мелкой буржуазии и на интеллигенцию. Последние были готовы вести борьбу за республику и демократические идеалы, но не сходя с почвы «законности», и решительно отвергали революционные методы борьбы.

Отказавшись от обсуждения выдвинутых политических программ, Предпарламент перешёл к обсуждению вопросов, связанных с определением порядка избрания будущего учредительного собрания. Уже до конца первого заседания решено было провести выборы не только на всей территории союза, но и на территории Шлезвига, Западной и Восточной Пруссии, исходя из нормы — 1 депутат от 50 тыс. жителей.

Вопрос о проведении выборов в Познанской провинции Пруссии с её преимущественно польским населением был оставлен открытым. Предпарламент всё же признал необходимым, по предложению Р. Блюма, протестовать против раздела Польши и объявил восстановление её независимости «священным долгом немецкого народа». Весьма характерно, однако, что ряд делегатов без всякого стеснения подымал свой голос против этого решения и открыто требовал насильственного присоединения к «немецкому отечеству» населённой поляками территории. Даже Струве настаивал на включении всех немцев, проживающих на территории Познани, в состав населения

воссоединённой Германии и на предоставлении им права послать своих представителей в Учредительное собрание. Струве указывал, что самое восстановление Польши как самостоятельного государства должно быть осуществлено только, «поскольку это будет возможно, не совершая несправедливости по отношению к немцам», проживающим на польской территории! И в этом вопросе вождя республиканского меньшинства поддержали все делегаты, даже постоянно возражавший ему г. фон Гагерн¹⁶.

Немецкие шовинисты 1848 г. требовали отменить польских земель, ссылаясь при этом на необходимость укрепить германские границы против России. «Если бы мы не владели Познаною, нам следовало бы её завоевать», — цинично заявил один из делегатов — представитель немецкого меньшинства этой польской провинции. Другой делегат — представитель Восточной Пруссии — не менее цинично предлагал не устанавливать воевае восточной германской границы. Если начнётся война и немцы окажутся победителями, заявил он, «то можно надеяться, что через несколько недель наши войска будут находиться у берегов Чудского озера и Чёрного моря. Вопрос относительно нашей границы в прошлом решался мечом, предоставим же мечу решать вопрос относительно нашей будущей границы»¹⁷.

Затянувшееся первое заседание Предпарламента закончилось принятием решения относительно организации выборов в Учредительное собрание. Следующее, второе, заседание 1 апреля ещё более углубило пропасть между конституционалистами и республиканцами и подготовило полный и окончательный разрыв между ними. Обсуждавшийся вопрос об уничтожении избирательного ценза не вызвал серьёзных разногласий. Но вопрос о том, как должны будут проводиться выборы, вызвал горячие прения. Несмотря на протесты республиканцев и демократов, настаивавших на повсеместном проведении прямых выборов, либерально-монархическое большинство добилось решения о предоставлении отдельным правительствам права по своему усмотрению проводить прямые или косвенные выборы.

Предстояло ещё решить, когда и где будет собран всегерманский парламент, кто будет следить за действительным проведением в жизнь всех принятых решений и тем обеспечить созыв парламента в назначенный срок. Относительно первых двух вопросов не возникло никаких серьёзных споров, так как все одинаково стремились к возможно скорейшему созыву Учредительного собрания. В связи с этим без больших усилий было постановлено созвать собрание во Франкфурте в четырёхнедельный срок, считая с ближайшего понедельника, то есть с 3 апреля.

Третий вопрос, напротив, сразу же резко разделил Предпарламент на две неравные части. Уже в программе Струве говорится,

что делегаты не должны оставлять Франкфурт до тех пор, пока «свободно избранный парламент не возьмёт в свои руки судьбы Германии». Теперь в ответ на предложение либералов избрать специальную комиссию из 50 членов для наблюдения за проведением в жизнь только что принятых решений Геккер предложил членам Предпарламента не разезжаться из Франкфурта, то есть высказался за объявление заседаний Предпарламента перманентными с тем, чтобы он мог действительно держать в своих руках власть вплоть до созыва Учредительного собрания.

Предложение Геккера, имевшее целью толкнуть Предпарламент к решительным действиям против притаившейся реакции, привело либералов в ярость. Велькер и в особенности г. фон Гагерн немедленно выступили против перманентности и решительно потребовали, чтобы избранная Предпарламентом комиссия после роспуска собрания связалась с Союзным сеймом и совместно с ним провела выборы в Учредительное собрание.

«Мы живём в трудное время, когда всему обществу грозит распад и когда стране извне и изнутри угрожает анархия», — заявил Велькер. — В подобное время необходимо свято хранить последнюю существующую связь!» А Г. фон Гагерн в ответ на брошенное с места замечание Струве о том, что Союзный сейм — труп, с большим пафосом указывал, что «именно поэтому его и необходимо снова оживить путём включения в его состав лиц, пользующихся доверием нации». «Следует не уничтожать, а воссоздавать», — подчёркивал вождя южногерманских либералов при полном одобрении своих сторонников¹⁸. Последние дружно, большинством 368 голосов против 148, отвергли революционное предложение Геккера.

Демократия потерпела полное поражение. Предпарламент отверг предложенный ему революционный путь и по предложению Г. фон Гагерна постановил образовать «комиссию 50-ти», поручив ей проведение в жизнь всех ранее принятых решений относительно созыва в строго назначенный срок всегерманского Учредительного собрания. Для этого «комиссия 50-ти» — и в этом-то и заключался глубоко реакционный смысл предложения либерального дармштадтского министра — должна была вступить в соглашение с Союзным сеймом и передать в его руки впрямь до созыва Учредительного собрания не только дело защиты интересов немецкого народа, но и управление всеми делами Германского союза.

Погерпев поражение в вопросе о перманентности и отдавая себе отчёт в том, что гагерны и бассерманы, испуганные размахом народного движения, уже вступили на путь предательства мартовской революции, республиканское меньшинство Предпарламента всё же не покинуло сразу его заседаний. Хотя отдельные решительные республиканцы уже после второго заседания предлага-

¹⁶ Freyer «Das Vorparlament», S. 57.

¹⁷ «Verhandlungen des deutschen Parlament». Lieferung I, S. 32—33

¹⁸ Reichensperger «Erlebnisse», S. 40.

ли апеллировать к народу, на следующем, третьем заседании (2 апреля) республиканцами была сделана последняя попытка убедить большинство Предпарламента, несмотря на принятую накануне резолюцию порвать со старым, меттерховским сеймом. В начале этого третьего заседания демократ Циц, поддержанный Р. Блюмом, Фогтом, Итцштейном и другими сторонниками республиканского меньшинства, внёс на обсуждение новую резолюцию. Согласно этой резолюции, Предпарламент должен был категорически потребовать, чтобы «Союзный сейм прежде, чем он возьмёт в свои руки созыв Учредительного собрания, отменил все ранее принятые им противозаконные исключительные постановления и удалил из своей среды тех лиц, которые способствовали принятию или проведению в жизнь этих постановлений».

Как и следовало ожидать, Предпарламент отверг эту направленную прямо против реакционных элементов резолюцию. Выступивший вслед за Цицом, Бассерман указал, что он усматривает в этом предложении попытку окольными путями провестись решение не расходиться из Франкфурта впредь до открытия Учредительного собрания. Стремясь обломать острый предложенной Цицем резолюции, Бассерман ловко предложил внести в неё небольшую редакционную поправку и заменить слова «прежде чем» словами «в то время как» («*in dem*»). Тем самым, понятно, резолюция республиканцев сразу же придавался безобидный смысл: в случае принятия этой резолюции в редакции Бассермана «комиссия 50-ти» могла свободно вступить в сношения с Союзным сеймом ещё до его очищения от реакционных элементов, а самое это очищение из категорического требования превращалось в необязательное для сейма благое пожелание Предпарламента.

Поскольку поправка Бассермана была утверждена либеральным большинством, вступившим тем самым на путь явной сделки с реакцией, для республиканского меньшинства не оставалось больше никакого иного выхода, как покинуть Предпарламент. По меткому выражению республиканца Каппа, брошенному им в лицо Бассерману с трибуны собрания, «в этом именно вопросе должно было выясниться, кто в действительности представляет народ и кто стоит за свет, а кто за мракобесие».

Хотя все республиканцы дружно голосовали против поправки Бассермана, однако далеко не все они, подобно Геккеру и Струве, покинули собрание, чтобы апеллировать к народу. На этот раз, как и на первом заседании, когда обсуждался вопрос о компетенции Предпарламента, Р. Блюм, Якоби, Раво, Везендонк и ряд других республиканцев более умеренного толка не присоединились к Геккеру и Струве и после некоторых колебаний остались сидеть на своих скамьях. «Мы хотим действовать лишь при помощи моральной силы, — заявил от имени оставшихся Р. Блюм, — и именно вследствие этого я подчинюсь воле большинства в том случае, если оно выскажется за более

умеренную редакцию». Р. Блюм писал жене о тактических разногласиях среди республиканцев вскоре после заседания, что «Струве и Геккер — настоящие скоты: они бьются головами о стену, как побитые быки, и своим поведением чрезвычайно затруднили нам победу»¹⁹.

За Геккером и Струве последовало немногим больше 40 республиканцев, в то время как больше 60 их сторонников продолжало принимать участие в заседании Предпарламента при обсуждении внесённого майнским республиканцем Глаубрехом предложения поручить «комиссии 50-ти» с целью борьбы с поднимающей голову реакцией немедленно приступить к организации всегерманского ополчения и тем самым довершить начатое в мартовские дни дело. Но либеральное большинство и на этот раз отсталось верным себе. После короткого обсуждения оно отвергло предложение Глаубреха, согласившись только рекомендовать «комиссии 50-ти» позаботиться, «чтобы во всех германских землях как можно скорее было бы создано народное ополчение». Никаких твёрдых постановлений по этому поводу принято не было. Школьный учитель из Брауншвейга Ассман великолепно объяснил с трибуны собрания причины характерной нерешительности либералов. «Если комиссия, которую мы изберём, без долгих рассуждений введёт народное вооружение, она на деле станет временным правительством, — заявил он, — и вырвет из рук государей важнейшее право, всё ещё принадлежащее им, — именно право собственными силами поддерживать в Германии порядок». «Вооружение народа мы должны сохранить, — продолжал Ассман, — но на основании закона, а не на основании революции».

Последнее, четвёртое, заседание (3 апреля) было в основном посвящено выборам членов «комиссии 50-ти». Члены Союзного сейма, ещё больше либералов напуганные слухами о готовящихся народных выступлениях, вечером 2 апреля сами отменили старые исключительные постановления. Граф Коллоредо, его председатель, известил Миттермайера о добровольной отставке тех членов сейма, которые в своё время принимали эти постановления. Решение Союзного сейма дало возможность покинувшему заседанию Предпарламента республиканцам во главе с Геккером и Струве возвратиться обратно. Дело в том, что в рядах ушедших из Предпарламента республиканцев царил смятение из-за отказа Блюма и других умеренных пойти на немедленный и окончательный разрыв с либералами. Уже вечером 2 апреля, сразу же после своего демонстративного ухода, Геккер и Струве встретились с Р. Блюмом и Итцштейном, сумевшими уговорить их принять участие в выборах «комиссии 50-ти», тем более, что решения сейма делали спор о резолюции Цица формально беспредметным.

Однако далеко не все республиканцы, покинувшие 2 апреля Предпарламент, одобри-

¹⁹ Fendrich «Die bädische Bewegung des Jahres 1845/49», S. 31.

ли решение своих вождей отказаться от немедленного обращения к народу. Полная колебания тактика Геккера и Струве и их попытка снова вернуться к легальным средствам борьбы уже тогда встретила в рядах их собственных сторонников определенное осуждение. В свете же позднейших событий возвращение обратно в Предпарламент после ухода из него может быть оценено только как непростительная ошибка²⁰.

Победившее большинство, холодно встретившее возвратившихся депутатов, провело в «комиссию 50-ти» 38 своих представителей — фабрикантов и купцов, адвокатов и журналистов. Только 12 мест в ней получили республиканцы, но, конечно, исключительно умеренные; ни Геккер, ни Струве, ни кто-либо другой из покинувших 2 апреля Предпарламент не был избран в «комиссию 50-ти». Радикальные республиканцы были, таким образом, отстранены от какого-либо участия в организации выборов и созыва Учредительного собрания. Это, понятно, обделало конституционалистам проведение этих выборов в рамках существовавшей легальности по соглашению с князьями и Союзным сеймом. Поспешно принятая в последний день резолюция о том, что выработка будущей Германской конституции должна быть поручена «единственно и исключительно» Национальному собранию, только плохо прикрывала факт капитуляции германского либерализма перед ещё не справившейся от первого мартовского испуга феодально-помещичьей реакции.

Острая политическая борьба, развернувшаяся на заседаниях Предпарламента, привела, таким образом, к окончательному превращению недавних либеральных противников меттерниховской реакции в открытых сторонников сохранения старого, Союзного сейма и существующих монархических порядков и к первым серьёзным расхождениям в рядах самой республиканской партии. Расхождения эти становились неизбежными, поскольку Струве и Геккер не получили в решающий момент схватки с либералами достаточной поддержки со стороны Р. Блюма и многих других умеренных республиканцев и демократов. Последние, исходя из принципов формального демократизма, готовы были послушно признать волю конституционно-монархического большинства и придерживались тактики «морального воздействия» на либералов.

Но отказ либеральных лидеров обсуждать выдвинутые Струве демократические требования и их стремление пойти пути к соглашению с князьями и Союзным сеймом способствовали росту политической активности народных масс, а также значительному успеху республиканской пропаганды. Несмотря на колебания и расхождения в собственных рядах, несмотря даже на поспешное в Предпарламенте поражение, республиканская партия к началу апреля была,

безусловно, сильнее, чем в первые дни мартовской революции²¹. При умелой тактике она вполне могла рассчитывать на поддержку широких народных масс, начинавших уже терять не только терпение, но и доверие к старым именитым лидерам либерально-оппозиционного движения.

В дни заседаний Предпарламента подъём революционного настроения наблюдался во всей Юго-Западной и Западной Германии²². В самом Франкфурте горячие речи Геккера и Струве, а также их демонстративный разрыв с либеральным большинством встречали полное одобрение в народных массах. На созываемых республиканцами собраниях раздавались прямые призывы к вооружённому восстанию, а на франкфуртских улицах в дни Предпарламента дело доходило даже до открытых столкновений между монархистами и республиканцами. В соседнем с Франкфуртом городе Ганнау, где мартовские события протекали особенно бурно, предлагаемая Струве республиканская программа уже 2 апреля была восторженно принята слётом немецких гимнастических обществ и поддержана значительной частью вооружённых горожан.

Не менее сильное брожение наблюдалось в Саксонии, пославшей в Предпарламент почти исключительно одних республиканцев. С первых дней апреля здесь начал свою деятельность республиканский «Патриотический союз», который вскоре насчитывал до 5 тыс. членов в одном только Лейпциге и опирался на 30—40 отделений в провинции. В Саксонии политическое положение продолжало оставаться очень напряжённым. Об этом доносил 8 апреля русский посланник Шредер, сообщавший Нессельроде, что «основным вопросом, занимающим в настоящее время всю Германию, является рабочий» и что вследствие продолжающегося кризиса в Саксонии «анархия... не знает никакого предела». Перепуганный русский дипломат сообщил, что рабочие Саксонии уже готовятся «организовываться в банды» и перейти к разграблению частной собственности. Разгром двух гвоздильных заводов в горных промышленных округах, а также сожжение крестьянами замка князя Шенберга в Вальденбурге, говорил Шредер, — первые предвестники этого страшного движения!²³

Не было недостатка в признаках нарастания революционного подъёма так же и в юго-западной части Германии. Е. Карлеуэ, например, рабочие 30 марта потребовали выдачи оружия с тем, чтобы создать свой отдельный легион. «Уж два дня, — писал в Петербург Озеров, — как вся буржуазия города находится под ружьём, чтобы отразить эту атаку»²⁴.

²¹ «Deutsches Zuschauer», от 14 апреля 1848; «Deutsche Zeitung» от 6 апреля 1848.

²² Morel E «Die Märzrevolution und der badische Aufstand», S. 98 ff.

²³ Архив МИД, № 57. Донесение Шредера от 8 апреля 1848 года.

²⁴ Архив МИД, № 31. Донесение Озерова от 30 марта 1848 года.

²⁰ Mögling «Briefe an seine Freunde», S. 62—63.

С первых дней апреля во многих городах Бадена начали проводиться по инициативе местных «патриотических обществ» массовые народные собрания. Цель этих собраний состояла в том, чтобы поддержать выдвинутые республиканцами в Предпарламенте требования. В Энгене 30 марта на городской площади собралось до 5 тыс человек. 2—3 апреля состоялись сразу четыре массовых народных собрания в Ахерне, Гренцнахе, Мерсбурге и Эммендингене. Особенное значение имело собрание в Ахерне. Основным оратором на нем выступал редактор «Озёрных листов» Фиклер, прибывший в город из Страсбурга в сопровождении двух эмиссаров легиона, организуемого во Франции Гервегом Фиклер открыто призвал собравшихся к вооруженному восстанию, указывая, что до 5 тыс хорошо вооружённых немецких эмигрантов готовятся к переходу через Рейн.

Приходившие во Франкфурт со всех концов Германии известия о растущих республиканских симпатиях народных масс, а также надежды на поддержку со стороны немецких эмигрантов, понятно, действовали ободряюще на многих вождей республиканско-демократического движения. Многим из них успех вооружённого восстания казался в связи с этим вполне обеспеченным.

Первые организационные шаги в направлении подготовки восстания были сделаны республиканцами ещё в последние дни Предпарламента, когда вполне определились изменения либералов делу народа и их стремление протянуть руку Союзному сейму. «В течение этих дней некоторые более энергичные члены нашей партии убедились, что благодаря Предпарламенту движение зашло в тупик и не достигло желанной цели», — рассказывает об этих первых организационных шагах один из активных участников Баденского восстания, вютембергский демократ Меглинг²⁵. По его словам, эти республиканцы пришли к выводу, что «так называемые мартовские завоевания разлетятся, как мыльные пузыри, если народ не будет иметь достаточных гарантий их сохранения», и что поэтому необходимо немедленно «призвать народ к оружию». На состоявшемся затем тайном совещании уже был намечен и район первоначального выступления. Выбор пал на Озёрный край Бадена, граничащий с Швейцарией, где, по словам приехавших оттуда делегатов, царил такое сильное возбуждение, что народ готов был выступить стихийно, даже не дожидаясь сигнала со стороны вождей.

Однако Геккер и Струве далеко не сразу и не без колебаний встали на сторону тех республиканцев, которые, горячо осуждая всякие проволочки, требовали немедленного и полного разрыва с либералами. После своего ухода с заседания Предпарламента вожди баденских республиканцев, как известно, согласились под влиянием Р. Блюма, Итцштейна и других умеренных снова возвратиться обратно в собор св. Павла и

затем приняли участие в выборах «комиссии 50-ти». Вечером 3 апреля, уже после закрытия Предпарламента, Геккер и Струве на совещании республиканцев в гостинице «Голландский двор» попрежнему отказывались призвать народ к оружию. Они предложили ускорить подготовку к массовому выступлению и усилить республиканскую пропаганду. По словам Струве, и он и Геккер к тому времени не погорячили ещё до конца надежду на возвращение вождей оппозиционного движения к «старому времени» и полагали, что они «откажутся от враждебных выступлений против народа» или, по крайней мере, «согласятся выступить в качестве посредников при согласовании требований народа с пожеланиями князей».

Эти надежды и мало на чём основанные иллюзии, а также полная уверенность в ближайшей победе республиканской идеи толкнули Геккера и Струве к тому, чтобы 5 апреля при посредстве Велькера передать баденскому правительству своеобразный ультиматум. В нем они достаточно наивно предлагали министру-президенту герцогства, Бекку, немедленно дать своё согласие на проведение в герцогстве народных собраний для мирного разрешения (при помощи всеобщего голосования) вопроса о форме правления. Со своей стороны, республиканцы обещали подчиниться воле большинства и отказаться от вооружённого выступления. В то же время они требовали от баденских министров обещания немедленно уничтожить монархию в случае победы республиканцев на народных собраниях.

О сдержанной первоначально позиции республиканской партии можно судить также и по политической линии обеих демократических газет — старого «Немецкого наблюдателя» и новой, начавшей выходить в Мангейме в конце марта под редакцией Э. Пельца и Ю. Фребеля «Немецкой народной газеты». Оба этих печатных органа республиканской партии в первые дни апреля вели самую решительную пропаганду республиканизма, но определённо воздерживались от каких-либо непосредственных призывов к вооружённому восстанию. Особенно характерна в этом отношении статья «Немецкой народной газеты», посвященная съезду в Пруссии Соединённого ландтага, враждебного всем народным требованиям. Народ должен, по словам газеты, добиваться скорейшего роспуска этого порождения прусской реакции и съезда прусского Учредительного собрания. «Средством для достижения этой цели являются или подача в Ландтаг целой массы адресов с требованиями самороспуска или — вторая революция, вызванная походом на Берлин вооружённых народных отрядов (Freischaaren)». «Попробуем же сперва первое средство, — предлагала «Немецкая народная газета», — и если это не поможет, вторая революция не заставит себя долго ждать!»²⁶.

²⁵ M ö g l i n g «Briefe an seine Freunde», S. 62—63.

²⁶ «Deutsche Volkszeitung», от 4 апреля 1848 года.

О тех же колебаниях говорит нам и принятый республиканцами 4 апреля «избирательный манифест» в связи с предстоящими выборами в национальное собрание. В этом манифесте всячески подчеркивалось, что судьба Германии будет зависеть от национального собрания. Различные организационные мероприятия в целях лучшего проведения избирательной кампании и также указывали на нежелание Геккера и Струве по возможности использовать легальные средства и воздержаться пока от призыва к вооруженному восстанию.²⁷ И если все же республиканцы вскоре призвали народные массы к оружию то причиной этого была провокационная политика властей и переход реакционных элементов, поддержанных на этот раз всем либеральным бюргерством, в наступление.

Испуганное ростом республиканской пропаганды и фактически почти утратившее власть во многих округах, баденское правительство еще 28 марта внесло в палату и спешно провело законопроект об увеличении контингентов войск и одновременно просило сейм ускорить мобилизацию VIII корпуса союзной армии. Правительствоские круги при этом использовали «французскую угрозу» и опасность, грозившую будто бы «собственности и порядку» со стороны немецких эмигрантских отрядов для оправдания фактического введения в герцогстве военного положения и для маскировки истинных целей всех указанных мероприятий — подготовки к полному разгрому республиканско-демократического движения в Юго-Западной Германии.

«Движение войск наконец началось»²⁸, — с удовлетворением сообщал Озеров уже 3 апреля в Петербург, подчеркивая при этом, что в ближайшие дни вдоль французской и швейцарской границы будут сконцентрированы крупные воинские силы — до 20 тыс. штыков и сабель. Действительно 5 апреля два гессенских батальона вступили в Раштадт, в то время как вюртембергские и баварские войска постепенно подтягивались к баденской границе, грозя обрушиться прежде всего на города и селения революционного Озерного края.

Народные массы Бадена, как и следовало ожидать, ответили на все эти мероприятия правительства новой волной протестов и собраний. Бургомистр Донауэшингена демократ Раус уже в конце марта обратился к населению города с предложением оказать сопротивление рекрутскому набору. Взволнованные сведениями о подходе вюртембергских войск, жители Донауэшингена 6 апреля организовали массовое народное собрание и приняли резолюцию, требовавшую не только немедленного прекращения продвижения чужих войск в пределы Бадена, но и отставки вызвавшего это продвижение министерства Бекка.

Но правительство, уверенное в поддержке со стороны либеральных бюргеров, и не думало уступать народу. Возвратившись из Франкфурта Геккер и Брентано 7 апреля в палате обвинили Бекка во лжи: союзные войска, указывали они, стягиваются вовсе не для защиты баденских границ от несуществующего внешнего врага, а с целью подавления революционного движения. Но Бекк без большого труда добился от либерального большинства полного одобрения своих мероприятий. Бассерман и Мати активно выступали против республиканцев: если вюртембергские и гессенские солдаты помогут восстановить порядок, говорили они, все «благонамеренные граждане» только поблагодарят их за это. «Если донауэшингцы воспротивятся вступлению 10 тыс. союзных войск я держусь того мнения, что им следует послать 20 тыс.!» — со злобой подчеркивал Мати.²⁹

Таким образом либералы, убедившись в дни Предпарламента, какой большой популярностью начинают пользоваться в стране лозунги Геккера и Струве, сами сознательно толкали теперь правительственные круги к решительным выступлениям против республиканцев. Речи редактора «Озерных листов» Фиклера, а также слухи о приближении к границе вооруженных отрядов эмигрантов — рабочих и коммунистов — все более усиливали тревогу среди богатых собственников. «С помощью своего большого ораторского таланта Фиклер довел дело до того, что больше нельзя было слышать ни одного голоса, кроме как за республику», — с возмущением сообщал Карлу Мати один такой перепуганный бюргер из Ахерна: «Большая ошибка, что вы, господа, не берете на себя руководство подобными народными собраниями. Если какой-нибудь Фиклер станет хозяином положения, к чему это приведет?»³⁰

Утром 8 апреля не кто иной, как именно Мати, до революции придерживавшийся республиканских убеждений указал на вокзале в Карлсруэ полицейским на Фиклера: «Под мою ответственность, как депутата, арестуйте этого человека, он — изменник!» — заявил Мати.

Поступок Мати встретил сочувственный отклик в рядах баденской буржуазии.

«Мати своим мужественным поступком дал сигнал»³¹, — писал Г. Ф. Гагерну из Маннгейма Бассерман, передавая последнему просьбу баденского правительства, которое просило Г. Ф. Гагерна ускорить приезд в Баден его старшего брата генерала Фридриха фон Гагерна, назначенного на пост командующего действующими против республиканцев войсками. Дисциплина среди баденских солдат была к тому времени совершенно расшатана, а командующий армией маркграф Вильгельм пользовался среди

²⁹ B a s s e r m a n n F. «Denkwürdigkeiten», S. 128.

³⁰ «Aus dem Nachlass von K. Mathy», S. 167—168.

³¹ G i g e r n G. «Gen. Fr. v. Gagern». Bd II, S. 784.

²⁷ «Deutscher Zuschauer», от 14 апреля 1848 года.

²⁸ Архив МИД, № 31. Донесение Озерова от 3 апреля 1848 года.

солдат заслуженной ненавистью. Замена этого реакционера видным представителем семьи дармштадтских либералов Гагернов имела целью «способствовать восстановлению доверия и дисциплины в войсках» и была проведена под непосредственным давлением либерального большинства палаты. «Принцы царствующего дома неспособны вести войска в бой для подавления восстания,— указывалось в представленной Бассерманом Бекку докладной записке. Для этого требуется имя, пользующееся популярностью, требуется имя, по отношению к которому не так-то легко внушить населению подозрения в реакционных помыслах»³².

Удар со стороны поддержанных либералами правительственных кругов застал врасплох большинство вождей республиканской партии, наивно веривших в возможность мирного исхода столкновения. Вспоминая о днях, предшествовавших восстанию, а также о тех иллюзиях, которые были распространены в республиканских рядах, Геккер писал позднее: «Все здесь прежде всего твёрдо рассчитывали на приток широких народных масс под знамёна демократической республики и были убеждены, что армия перейдёт в решительный момент на сторону народа»³³. Не только Геккер и Струве, но и более трезвый Мёглинг надеялись добиться победы, «быть может, даже без удара меча» и именно вследствие этого мало сделали для того, чтобы действительно организовать вооружённое восстание. «Никаких определённых решений не было принято. Так же мало думали и об едином плане — политическом и военном», — рассказывал позднее Струве, вспоминая о начале восстания³⁴.

Сам он вместе с другим видным республиканцем, Доллем, покинул Маннгейм сразу же после ареста Фиклера и направился в Донауэшинген с тем, чтобы поднять в Шварцвальде народное восстание. Вечером 9 апреля здесь имели место первые тайные совещания республиканцев и были сделаны первые шаги с целью поднять на ноги население Озёрного края.

Геккер, в свою очередь, опасаясь ареста, покинул Маннгейм ранним утром 9 апреля и кружным путём — через Цфальц, французскую и швейцарскую границы — 11 апреля к вечеру прибыл в Констанц. Здесь его уже с нетерпением поджидали приехавшие из Донауэшингена Струве, Мёглинг, Долл и другие республиканцы, среди которых особое место занимали бывшие офицеры — Виллих и Зигель: их прочили в военные руководители восстания.

Только теперь спешно приступили к разработке плана вооружённого восстания. Ре-

шено было немедленно призвать население Озёрного края к оружию и четырьмя колоннами из Констанца, Донауэшингена, Иештетена и Лерраха, через Фрейбург и Оффенбург, двумя потоками двинуться к баденской столице. План этот с самого начала обрекал восстание на неудачу. Он без всякой необходимости распылял силы повстанцев и давал правительственным войскам возможность наносить им удары по частям.

12 апреля Геккер и Струве обратились к населению Озёрного края с воззванием и созвали массовое собрание констанцских граждан. «Решительный момент наступил,— говорили они народу,— словами нельзя отстоять наше право и нашу свободу. Поэтому мы призываем всех способных носить оружие мужчин явиться 14 апреля, захватив оружие и продовольствие на 6 дней, на рыночную площадь Донауэшингена». В этом городке, лежащем неподалёку от вюртембергской границы, намечен был сборный пункт двух первых колонн повстанцев.

Утром 13 апреля Геккер под барабанный бой вместе с откликнувшимися на его призыв республиканцами покинул Констанц и с развевающимися чёрно-красно-золотыми знамёнами двинулся через Штоках и Энгем в сторону Донауэшингена, куда накануне выехал Струве.

Только небольшая часть жителей Констанца — всего около 60 человек, преимущественно местных рабочих, — приняла участие в походе. Состоятельные бюргеры Констанца во главе с приятелем Мати, бургомистром Хютлиным, всячески противодействовали республиканской пропаганде и грозили участникам похода правительственными репрессиями. Важно отметить, что и менее состоятельные бюргеры, даже многие мелкие ремесленники, не утратили ещё веры в Национальное собрание, и это удерживало их от участия в походе. Крестьяне, на которых так надеялись республиканцы, также не спешили примкнуть к повстанцам. Они только что получили из рук баденского правительства освобождение от наиболее тяжёлых повинностей и были заняты на своих полях.

Несмотря на плохие предзнаменования, Геккер тем не менее продолжал продвигаться по направлению к Донауэшингену. Он надеялся на приток добровольцев из окрестных селений. Действительно, его маленький отряд всё же вырос по пути до 800 человек и даже обзавёлся двумя небольшими пушками. Приток добровольцев, хотя и не такой значительный, как ожидалось, укрепил веру Геккера в успех восстания. 14 апреля в Штокахе особым декретом он распустил правление Озёрного края и назначил республиканца Петера наместником-штатгальтером республики в Констанце. В Энгеме утром 15 апреля Геккер встретился с прибывшей сюда из Страсбурга Эммой Гервер — женой поэта и организатора парижского легиона немецких эмигрантов. Легион этот насчитывал уже до 700 человек и к этому времени находился на левом берегу Рейна, с нетерпением ожидая сигнала к вторжению

³² Gagern G. «Gen Fr. v. Gagern», Bd. 11, S. 796.

³³ Hecker «Die Erhebung des Volkes für die deutsche Republik», S. 28.

³⁴ Struve «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden», S. 38.

на баденскую территорию. Геккер, однако, опасался, что вступление в Баден вооружённого отряда из-за границы вредно отразится на ходе восстания. Он явно поддался влиянию распухавшихся реакционными кругами слухов о «коммунистах» и «анархистах» из Франции и Швейцарии и боялся, что появление вооружённых отрядов из-за границы восстановит против республиканцев местных бюргеров и оттолкнёт от них народные массы. Вследствие этого Геккер, снова распыляя силы республиканцев, просил Гервега временно воздержаться от перехода баденской границы.

15 апреля отряд Геккера достиг Донауэшингена и соединился с повстанцами, собранными в окрестностях этого городка Струве и другими республиканцами. Но к этому времени к Донауэшингену уже подошёл пятитысячный отряд вюртембергской армии, перешедший баденскую границу и сразу же отрезавший повстанцам путь в сторону Оффенбурга. Не располагая достаточными силами, чтобы пробиться, и стремясь избегнуть столкновения, Геккер и Струве двинулись не в северном, как предполагалось раньше, а в западном направлении, в сторону Фрейбурга, по трудным горным дорогам через Холленталь. Городок Троднау был назначен теперь в качестве места соединения всех отрядов.

Следующие два дня повстанцы продолжали продвигаться при плохой погоде через селение Бонддорф к Ленцкирху. Сюда они добрались 17-го и получили известие, что Хелленталь, кратчайший путь к Фрейбургу, отрезан войсками Стремьясь всё же любой ценой пробиться к Фрейбургу, с его революционно настроенным населением, Геккер ещё больше уклонился в сторону от первоначального направления. Путь его лежал теперь через Визенталь, совсем близко от швейцарской границы.

Вместо того чтобы решительно наступать, вырывая у правительства инициативу, повстанцы плелись по горным дорогам, теряя время и силы. В Бернау, небольшом селении недалеко от Троднау, Геккера встретили два представителя «комиссии 50-ти» — Шпац и Венедой. Они предложили повстанцам сложить оружие, обещая в этом случае амнистию. Возмущённый Геккер иронически, со своей стороны, предложил амнистировать всех немецких государей, если они в 14-дневный срок сложат свои короны.

Движение колонны продолжалось дальше, через горные перевалы, и 18-го повстанцы уже спускались в Визенталь, к селению Шонау. Здесь снова пришлось изменить намеченное направление движения: уклоняясь от преследовавших его отряд гойск, Геккер принуждён был двигаться к югу, почти прижимаясь к швейцарской границе. Через Целль, Шолфхейм и Штейнен, слушавшись почти к самому Лерраху, он через Кандорн рассчитывал выйти к долине Среднего Рейна.

В Кандорн измученный отряд добрался 19 апреля и впервые не встретил приветливого приёма у местных жителей. Пассив-

ность республиканцев, неуспех их первых шагов и, наоборот, энергичные действия правительства успели уже сделать своё дело: приток новых добровольцев, имевший всё же место по пути, теперь совершенно прекратился. Крестьяне держались выжидаательно и без большой охоты давали приют повстанцам. Кое-кто из более трусливых и слабых людей к этому времени уже пытался оставить революционные знамёна. На беду и другие повстанческие отряды не приходили к Геккеру на помощь. Тоднау, намеченного ранее в качестве сборного пункта, достигла только одна колонна, вышедшая под командованием Зигеля из района Констанца 15 апреля. Колонна эта насчитывала до 4 тыс. человек, и повстанцы в ней были много лучше организованы, чем в других отрядах. Другой отряд, двинувшийся из Иештеттена под начальством старого республиканца Вейсхаара, достигнув 18 апреля Вальдсгута, на Верхнем Рейне, продолжал дальше совершенно бессмысленное движение в сторону Лерраха. Отряд этот так и не соединился с отрядом Геккера и после разгрома последнего у Кандорна был без всякого труда быстро рассеян баденскими войсками у Штейнена.

Заночевавший в Кандорне отряд Геккера утром 20 апреля был разбужен барабанным боем подходивших к селению правительственных войск. Войска эти состояли из трёх батальонов баденской и гессенской пехоты, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи и находились под командой генерала Ф. фон Гагерна. Повстанцы спешно оставили Кандорн и заняли оборонительную позицию на горе. Здесь-то и произошло решительное столкновение. Не слишком доверявший своим войскам Ф. фон Гагерн стремился завязать переговоры с Геккером, но последний попрежнему верил в конечный успех движения и надеялся склонить солдат к неповиновению начальству. Он наотрез отказался сложить оружие, а его повстанцы встретили наступающих пехотинцев криками: «Братья! Переходите к нам. Не стреляйте!»

В солдатских рядах призывы к братанию вызвали замешательство и колебания. Тогда генерал Ф. фон Гагерн, стремясь положить конец опасному соприкосновению с повстанцами, вызвал из солдатских рядов добровольцев и сам повёл их с штыками наперевес против республиканцев. Он первый при этом открыл огонь, выстрелив в сторону повстанцев из своего пистолета. Повстанцы ответили на это залпом, положившим на месте генерала и нескольких последовавших за ним солдат. Теперь завязалась перестрелка, закончившаяся атакой пехотинцев, в рядах которых офицеры успели восстановить дисциплину. Плохо обученные обращению с оружием, республиканцы были легко сбиты с занятой ими вершины и начали беспорядочное отступление в сторону недалёкой швейцарской границы. Отряд Геккера распался, а сам он вместе со многими своими товарищами после многочасового блуждания по лесам перешёл на другой день границу.

После разгрома отрядов Геккера и Вейсхаара только одна колонна Зигеля, располагавшая 4 пушки и сравнительно лучше организованная, продолжала наступление в сторону Фрейбурга, где 22 апреля местные республиканцы подняли восстание. Потеряв два драгоценных дня в ожидании, когда подойдут отдельные участники отрядов Геккера и Вейсхаара, Зигель, бок о бок с которым сражался Г. Струве, Мёглинг и прибывший со своими стрелками из Швейцарии старый революционер-эмигрант, рабочий Иоган-Филипп Беккер, медленно продвигался к Фрейбургу. В районе этого города генерал Гофман, сменивший Ф. фон Гагерна на посту командующего, успел стянуть крупные воинские силы. 23 апреля авангард колонны, возглавляемый мало смыслившим в военном деле Струве, достиг лежащего в окрестностях Фрейбурга селения Гюнтерсталь и, не дожидаясь подхода главных сил колонны, двинулся на штурм города. Плохо вооружённые (зачастую только косами) и плохо обученные повстанцы не выдержали встретившего их картечного огня и в большом беспорядке отхлынули назад, внося панику в ряды подошедшей колонны Зигеля. В результате последнему не удалось оказать поддержку восставшим республиканцам Фрейбурга, хотя он на другой день и сделал с горстью храбрецов безнадёжную попытку прорваться к воротам города. К вечеру 24 апреля генерал Гофман овладел Фрейбургом и совершенно рассеял отряд Зигеля. Его остаткам удалось у Брейзаха переправиться через Рейн и уйти во Францию.

Столь же печальной оказалась и судьба созданного в Париже немецкого эмигрантского легиона, который, как уже известно, к середине апреля находился в Страсбурге, ожидая здесь сигнала к переходу на правый берег Рейна. Сигнал этот, однако, не последовал, и только накануне столкновения у Кандорна Геккер предложил Эмме Гервег, снова прибывшей к нему для переговоров, подтянуть легион к Бенценхейму и там вблизи переправы ждать его дальнейших указаний. Гервег ждал этих указаний до вечера 23 апреля. Лишь тогда он получил наконец сообщение, но не от Геккера, а от Зигеля. Последний предлагал легиону спешно переправиться через Рейн и идти на соединение с его отрядом. В ночь на 24-е около 700 республиканцев благополучно переправились с левого берега Рейна на баденскую территорию и двинулись, не зная ничего ни о событиях у Кандорна, ни о событиях у Фрейбурга, в юго-восточном направлении. Узнав вскоре о постигшей Геккера катастрофе, Гервег спешно двинулся дальше через горы на соединение с Зигелем, но уже 25-го узнал о полном разгроме колонны последнего. Теперь только быстрое отступление назад к Рейну могло спасти легион от окружения и полного уничтожения.

Через Целль, трудными окольными путями, легионеры пытались выйти из сжимавшего их кольца правительственных войск, но 27 апреля у Доссенбаха они натолкнулись на большой отряд вюртембергских войск. Пол-

тора часа они отбивались от превосходящих сил противника, но в конце концов вынуждены были отступить, оставив много раненых и несколько человек убитых. Среди последних был и храбро сражавшийся Шиммельпфенниг — один из организаторов немецкого легиона. 375 человек, около половины всего состава легиона, были захвачены в плен преследовавшими отступавших кавалеристами. С большим трудом удалось Гервегу и его жене, разделявшей с ним все трудности похода, спасти свою жизнь и благополучно возвратиться во Францию.

С разгромом немецкого легиона у Доссенбаха, по существу, закончилось столь неудачно начатое и столь плохо организованное восстание баденских республиканцев. Оно не распространилось дальше южных районов и нашло лишь слабый отклик вне Озёрного края и Шварцвальда. Из более крупных баденских городов только Оффенбург и Маннгейм сделали попытку поддержать повстанческое движение, но в первом из этих городов войскам удалось в самом начале рассеять строивших баррикады республиканцев, а во втором народ поднялся против реакции слишком поздно, когда движение в южных районах уже потерпело поражение. С 26 апреля по 1 мая в Маннгейме происходила уличная борьба, начавшаяся в связи с попыткой разоружить отряд рабочих, вооружённых косами. Рабочие были поддержаны многими вооружёнными гражданами города, оказавшими упорное сопротивление двинутым против них баварцам. Особенно ожесточённая схватка между солдатами и народом разыгралась на Рейнском мосту, покрытом баррикадами и украшенном трёхцветными флагами восставших республиканцев. Только к 1 мая баварские войска целиком овладели городом и приступили к планомерному разоружению его населения. Начались аресты и другие карательные мероприятия, а в главных городах вводилось военное положение. Расстрелов ещё не было, но с пленными республиканцами власти уже обращались достаточно круто и сурово.

Чем же всё-таки объяснялась столь быстрая и легко одержанная реакцией победа? Почему в такой короткий срок восторжествовали реакционные силы, несмотря на то, что обстановка в первые недели апреля складывалась вполне благоприятно для республиканцев и их лозунги находили известный отклик в народных массах?

Победа реакционных сил объяснялась прежде всего слабостью самой республиканской партии, недостаточно подготовившейся к вооружённому восстанию, допустившей ряд грубых тактических ошибок и, главное, не сумевшей привлечь на свою сторону народные массы, которые в первые недели революции явно шли навстречу их призывам и на многочисленных митингах и собраниях выражали готовность поддержать их требования. Если народные массы Юго-Западной Германии в момент выступления Геккера из Констанца не откликнулись достаточно горячо на его призыв и не

спешили встать под революционные знамёна, то это сбывалось прежде всего тем, что республиканцы не приняли во внимание отсутствие у народных масс достаточного политического опыта и понимания необходимости борьбы за республику с оружием в руках. Республиканцы игнорировали многочисленные не изжитые ещё массами иллюзии, в частности, веру в могущество всеобщего избирательного права и всеисилие будущего германского парламента.

В то время как создававшаяся обстановка позволяла выдвинуть ниспровержение монархии только как лозунг агитации, республиканцы поспешили превратить этот призыв в лозунг действия, а в день 12 апреля даже в директиву партии. «Смешивать лозунги с директивами, или лозунг агитации с лозунгом действия, столь же опасно, сколь опасны, а иногда и гибельны преждевременные или запоздалые выступления», — указывает И. В. Сталин, обсуждая стратегию и тактику русских коммунистов в 1905 и 1917 годах³⁵. Это указание целиком можно отнести и к тактике немецких мелкобуржуазных республиканцев 1848 года.

Неспособные к выдержке и дисциплине, мелкобуржуазные революционеры-демократы 1848 г. вовсе не понимали всех этих важнейших тактических принципов и, опрометчиво выступив против правительственных войск, сразу же превратились в авангард, безнадежно опередивший главные силы своей армии и вследствие этого обречённый на поражение.

Следует также указать на то, что к середине апреля крестьянское движение в Бадене уже находилось в стадии затухания.

Республиканцы, как уже отмечалось нами, ничего не говорили в своей программе о земле, а в своих газетах они даже осуждали поджоги помещичьих замков и уничтожение феодальных документов, называя подобные действия крестьян «грубыми насилиями» и «преступлениями»³⁶. Рабочих на юго-западе Германии было немного, а беднейшие ремесленники вряд ли хорошо понимали туманное содержание выдвинутых Струве в своей программе социальных требований.

Большое значение имела также невозможность для руководителей восстания наладить правильную информацию населения Бадена и всей остальной Германии о событиях в Озёрном крае и Шварцвальде. И железные дороги, и почта, и телеграф с самого начала находились в руках правительства, которое стремилось отрезать район восстания от остальной Германии и лишить повстанцев возможности разъяснить немецкому народу цели и задачи своего выступления. Даже республиканские газеты, выходявшие в Маннгейме, давали самую скудную информацию о походе Геккера и Струве

и оказали им лишь запоздалую и недостаточно решительную поддержку.

Например, выходявший еженедельно «Немецкий наблюдатель» в своём номере от 14 апреля поместил избирательный манифест, а в передовой статье в весьма неопределённой форме подчёркивал возможность в случае задержки с созывом Национального собрания решения судьбы Германии при помощи «самостоятельных усилий» самого немецкого народа³⁷. Добрая половина следующего номера газеты, вышедшего 21 апреля, была посвящена редакцией не событиям, разыгравшимся в Бадене, а... событиям в Берлине. О восстании в Озёрном крае и Шварцвальде в номере не было сказано ни одного слова!³⁸

«Немецкая народная газета» 13 и 14 апреля в своих передовых статьях подчёркивала, как и обычно, своё стремление способствовать введению республиканской формы правления «не силою оружия»; 15 апреля газета попржнему указывала, что преобразование Германии должно совершиться «на путях мирно проведённой реформы»; и только 16-го, наконец, газета сообщила читателям о начавшемся восстании. Отмечая полную свою идейную солидарность с борющимися за «благородное дело» Геккером, «Немецкая народная газета» сама в то же время воздерживалась от непосредственного призыва масс к оружию и была очень далека от какой-либо чёткой политической позиции. 18 апреля, в самый разгар восстания, редакция в передовой указывала на полное единство интересов народа и буржуазии, а 20 апреля, в день столкновения у Кандорна, поместила отчёт о выступлении в Кёльне двух умеренных республиканцев — Рава и Блюма. Оба они, выступая на народных собраниях, как и раньше, в Предпарламенте, призывали передать вопрос о будущей форме правления Германии на разрешение Национального собрания и открыто называли «глушостью» («Thorheit») попытку отдельных лиц «вести республику» в Германии³⁹.

Подобная позиция обоих главных печатных органов баденских республиканцев, разумеется, не была случайностью. Она отражала ту борьбу внутри республиканской партии, которая, как мы знаем, обнаружилась уже на заседаниях Предпарламента, а в дни восстания ещё более обострилась. Р. Блюм писал несколько позднее жене, что «Геккер и Струве, согласно существующим законам, предали страну»; но, по словам Блюма, «это ещё не большое дело... Важнее то, что «они предали народ своим безумным выступлением... Это возмутительное преступление»⁴⁰.

Но быстрое поражение баденского восстания объяснялось не только слабостью рес-

³⁷ «Deutscher Zuschauer», от 14 апреля 1848.

³⁸ Там же, от 21 апреля 1848.

³⁹ «Deutsche Volkszeitung», от 13, 14, 15, 16, 18, 20 апреля 1848.

⁴⁰ Blum H «R. Blum und seine Zeit», S. 306.

³⁵ И. В. Сталин Соч Т. 5, стр. 172.

³⁶ «Seebätter» № 66. 1848. См. Lautenbrecher «Die Agrarunruhen in den badi-schen Standes — und Grundheerschaften im Jahre 1848».

публиканской партии, неуменем организовать связь и осуществлять руководство, расхождением внутри собственных рядов. Не меньше, если не большее, значение имела также и быстрая мобилизация всех сил господствующих классов, фактический союз феодально-помещичьих кругов с успешным стать весьма консервативным бюргерством. Союз этот, как известно, начал складываться против демократии сразу же после мартовской революции и ко времени восстания Геккера и Струве привёл к полнейшему согласованию всех направленных против республиканцев действий как правительства Бекка, так и лидеров буржуазного большинства баденской палаты. Лидеры эти накануне восстания всячески стремились укрепить расшатанную дисциплину в баденской армии и горячо приветствовали вступление в Баден частей союзной армии, хорошо зная, что частям этим предстоит действовать не столько против немецких эмигрантов из Франции и Швейцарии, сколько против самого немецкого народа. После долушения известий о выступлении Геккера баденские либералы сделали всё от них зависящее, чтобы мобилизовать против повстанцев общественное мнение всей Юго-Западной Германии. О том, что именно они всячески содействовали назначению командующим баденскими войсками генерала Ф. фон Гагерна, надеясь, что он, как член популярной либеральной семьи, сумеет поднять дисциплину в армии, уже говорилось. Сам Бассерман в своих воспоминаниях подробно рассказывает о том, что ему пришлось отправиться во дворец, чтобы добиться от герцога этого назначения чужого, не баденского генерала, к тому же и либерала⁴¹.

Именно Бассерман 17 апреля горячо поддержал Бекка, потребовавшего от палаты разрешения на арест Геккера, который в качестве депутата пользовался неприкосновенностью. В результате состоявшихся прений палата единодушно приняла по предложению Суарона особое обращение к населению, в котором называла восстание «преступным предприятием». «Правительство,— говорилось в обращении,— сможет обрушить на головы преступников всю тяжесть законов, потому что найдёт поддержку у палаты»⁴². Ничто, пожалуй, не характеризует так сильно растерянность, царившую тогда в рядах республиканской партии, как тот факт, что указанное обращение палаты было принято голосами всех депутатов, в том числе и левых — Итцштейна, Брентано и других!

Многие либералы не останавливались даже и на этом. По сообщению Озерова, отдельные депутаты предлагали Бекку организовать особые отряды из бюргеров для участия совместно с воинскими частями в борьбе против республиканцев⁴³. Понятно, что подобное рвение способно было только

укрепить сильно пошатнувшиеся устои баденского трона. «Великий герцог значительно осмелед. До сих пор он сидел взаперти в своём дворце, а теперь начинает чувствовать необходимость показываться публике»,— писал 14 апреля в Петербург тот же русский посланник. «Он один прогуливается по улицам. Вчера его величество посетили две казармы и были встречены войсками с настоящим энтузиазмом. Его величество присутствовали также на военных занятиях бюргеров, выразивших ему такие же чувства».

Франкфуртский «комитет 50-ти», со своей стороны, призывал всех немцев к борьбе против республиканцев. Уже 12 апреля он предостерегал немецких эмигрантов за границей от вступления в Германию с оружием в руках, а 15—20-го обратился с воззванием к немецкому народу, предлагая ему ожидать созыва Национального собрания и не поддерживать республиканцев. Направленные из Франкфурта в Озёрный край члены «комитета 50-ти», Шлатц и Веедеи, не добившись от Геккера согласия сложить оружие, также обратились с воззванием к населению Бадена, призывая оказать содействие существующим властям⁴⁴. «Пока мы сами наносим врагу удар в спину,— писали они после своего свидания с Геккером, обращаясь к председателю «комитета 50-ти» Суарону,— нанесите ему удар по голове». С этой целью они предлагали как можно скорее принять меры к созданию особой «парламентской армии». «Призыв к созданию республики теперь распространится по всей Германии, если мы не противопоставим ему другой. Добровольцы, вперёд, на защиту парламента!»⁴⁵.

Таким образом, все силы феодально-помещичьей и либерально-буржуазной реакции были брошены на борьбу против группы республиканцев, не сумевших толком организовать вооружённое восстание и собрать вокруг своих чёрно-красно-золотых знамён массу исдовольных и возбуждённых ремесленников, рабочих и крестьян Германии. Как обычно, против восставших республиканцев была пущена в ход самая низкая клевета. На другой же день после столкновения у Кандорна вся реакционная дворянская и либерально-буржуазная печать на все лады пререпевала клеветнические утверждения о том, что Ф. фон Гагерн будто бы был предательски застрелен в спину по приказу Геккера сразу после состоявшихся между ними переговоров. После разгрома немецкого легиона у Доссенбаха та же реакционная печать не жалела сил для того, чтобы представить в смешном виде и опозорить Георга Гервега, будто бы бежавшего с поля сражения «под фартуком» повозки, которой правила его жена.

И тем не менее, несмотря на все эти клеветнические выпады, несмотря даже на полную неудачу плохо подготовленного и опрометчиво начатого восстания, народные

⁴¹ Бассерман. Указ. соч., стр. 137.

⁴² Бекк. «Die Bewegungen in Baden», S. 153—154.

⁴³ Архив МИД, № 31. Донесение Озерова от 20 апреля 1848 года.

⁴⁴ Бекк. Указ. соч., стр. 155.

⁴⁵ Valentin V. «Die deutsche Revolution». Bd. I, S. 494

массы всей Юго-Западной Германии долго хранили в памяти «романтическую фигуру народного вождя в войлочной шляпе и блузе, стоящего на страже народных интересов»⁴⁶. Ещё в 60-х годах у шварцвальдских крестьян можно было найти многочисленные бюсты и портреты Геккера, а песня о его смелом походе в течение всего периода революции продолжала звучать по деревням и городам Германии.

Хотя по своим масштабам апрельские события в Бадене и не были значительными, разгром повстанческих отрядов Геккера и Струве наложил тяжёлый отпечаток на всё последующее развитие германской революции 1848 года. Первая, недостаточно подготовленная попытка республиканцев до-

биться объединения снизу не удалась. Дело объединения страны перешло в руки буржуазных монархистов, пришедших к власти в отдельных германских государствах. Но в отличие от французской буржуазии 1789 г. немецкая буржуазия 1848 г. уже не была «тем классом, который защищает всё современное общество против представителей старого общества, монархии и дворянства»⁴⁷; по мере роста массового народного движения она всё больше устремлялась вправо, в сторону соглашения с феодально-дворянской знатью, и скоро вместе с революцией предала и дело национального объединения своей же собственной страны.

⁴⁶ Блос В. «История германской революции», стр. 152, издание 1907 года.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 55—56.

